

— Алла Сергеевна, я знаю, что уже тридцать лет вы приезжаете в Ялту. Почему такое постоянство?

— И в «Актёре» и в Доме творчества литераторов, где мне приходилось отдыхать, всегда была притягательная атмосфера, уникальный микроклимат, своя публика, хотя, может быть, и не было раньше особого комфорта. Все это я начала ценить далеко не сразу. Здесь я общалась с Кавериним, Товстоноговым, Шкловским... С Кавериним мы подружились. Он обожал пешие прогулки. У нас был излюбленный маршрут: доехать до Никитского ботанического сада, а оттуда, по камешкам, до Гурзуфа — и, предельно устав, Каверин меня обнял... Наши прогулки продолжались и зимой, в Переделкине...

Сегодня в Ялте удобства на уровне современных гостиниц, но та атмосфера ушла, пейзаж уродуется из-за безалаберного строительства многоэтажек, уходит красота. Вот в Париже, например, есть маленькие кафе, которые привлекают «весь Париж» именно неповторимостью атмосферы, а другие, куда более шикарные, зачастую пусты...

— У нас сейчас все наоборот. И атмосфера ценится совсем иная. Вообще, потребность в духовной пище падает в нашем обществе все стремительнее...

Так совпало: с Аллой Сергеевной Демидовой второй год подряд мы встречаемся на отдыхе, в ялтинском доме творчества «Антер». Вспоминая наши прошлогодние беседы, я сожалел, что не записывал их на пленку. И теперь надеялся вновь разговаривать эту загадочную, замкнутую, никому не дающую интервью женщину, — на сей раз вооружившись диктофоном.

«Давайте попробуем», — сказала Алла Сергеевна и добавила:

— Только пойдёмте в горы, там спокойнее.

И вот по дороге, выходящей серпантином, мы взбираемся на высоту, как указывает табличка, 2.500 метров над уровнем моря.

Здесь дино и нехожено. Мы садимся в тени, на выступ, а внизу плещется Ялта с ее привычной курортной суетой...

Гамлет медлит с отпущением: что после смерти — пустота? Если так, человек не должен умирать, он не вправе распоряжаться чужой жизнью...

В этой же цепочке — «Отец Сергей» Льва Толстого. В знаменитом монологе перед гробом отец Сергей рассуждает: для чего рождается человек? Для чего ему дана жизнь? Если Бог есть, то жизнь — ступенька к чему-то высшему. Если же Бога нет, то человек рождается, чтобы умереть. Тогда все дозволено. Тогда у человека нет моральных границ...

Свобода без нравственных границ — это произвол, что как раз происходит у нас сегодня. Моральные границы ничем

Алла ДЕМИДОВА:

«Если тебя ведет Дух-совесть...»

— Мне кажется, общественная жизнь напоминает сегодня перевернутую банку: то, что было на дне, в осадке, оказалось наверху. Я имею в виду не политику, а отношение к нравственным ценностям. Это уже «проходили» в 20-е годы, когда «банку» перевернули и творческая интеллигенция решала для себя проблему: оставаться здесь или уезжать. Мне кажется, нынешние бизнесмены, «новоявленные», вытесняют творческую интеллигенцию. Я, например, умею вести себя в любых предлагаемых обстоятельствах, это входит в мою профессию. Но я опасюсь людей, которые занимаются только делом, людей решительных, у которых нет сомнений и на все всегда готовы ответы. С этими людьми нет и не может быть диалога, потому что говорят они на другом языке, у них другие привычки, привязанности, другая культура.

Свобода, которую мы обрели сегодня, — вещь хорошая. Но сейчас вышли на поверхность люди «детей», которые нуждаются в образовании, элементарном воспитании. «Детям» нельзя давать спички, иначе — пожар. И все-таки я уверена: вновь будет в осадке то, что должно там быть, — слишком большой у нас в стране потенциал (боюсь банальных слов, но иначе не скажешь) духовной жизни. Должно пройти время, конечно. Может, я его и не дождусь... Но для себя решила твердо — нигде не уезжать.

— Как все-таки сохранить духовное начало? Что в нынешнее время смуты и растерянности подсказывает ваш внутренний опыт?

— Знаете, подобную растерянность испытывали еще в древности, скажем, при крещении Руси, когда бог Перун был «сброшен» в Днепр: у кого теперь просить помощи? Кому служить?.. Такие вопросы задавала себе и интеллигенция в 20-е годы нашего века. И сегодня каждый сам для себя должен решить: с кем он? Кому служить: деньгам или Духу? Может, стоит пока заняться самообразованием — есть время заглубиться в собственную душу. И, может быть, попытаться примирить себя с жизнью.

Сейчас я ощущаю сильнейшую усталость после работы над ролью Электры. Она помогла мне сформулировать ответы на некоторые вопросы, которые бередили душу. Трагедию Софокла «Электра» поставил в Греции (с нашими актерами) Юрий Любимов. Почему до сих пор волнует этот миф?.. Электра, подобно древнегреческим статуям, — сама грация, она ощущает полноту жизни и спокойствие. Она — в ладу с собой и с Богами (то есть с Природой). У нее абсолютная вера в Бога, в космос. Я — верующий человек, верю в Бога, но не так ведь напрямую, как Электра. Поэтому в моих размышлениях над этой интересной и этапной для меня ролью выстроилась цепочка классических персонажей.

Софокловскую схему отпущения Электры за смерть отца повторил в «Гамлете» Шекспир. То же покаяние себя и действия, та же озлобленность: в «Электре» — монологи, окрашенные ненавистью к матери, Клитемнестре, а в «Гамлете» — по отношению к Клавдию, отчиму. Но у Гамлета уже появляются сомнения. С момента, когда он, студент университета, приезжает на похороны отца, до похорон Офелии проходит, как говорят могильщики, целое десятилетие.

не очерчены — ни государством, ни собственной волей, ни собственным «я». Но если человек, помимо глаз, ушей, надежды душой — органом, благодаря которому он и определяет для себя границы дозволенного, то чем дольше ты живешь, тем больше этот орган функционирует и заставляет искать ответы на все новые волнующие вопросы...

Мне кажется, спасение сейчас — в вере. Но в вере — если тебя ведет Дух-совесть, а не просто ритуальные церковные обряды. Как у «католика» Чехова в «Трех сестрах»: «Человек должен быть верующим или искать веру, иначе жизнь его пуста, пуста...»

— Трансформация в сознании общества коснулась как-то вас лично?

— В какой-то мере да. Вместе с группой единомышленников я организовала малое предприятие — свой маленький театр — «Театр А». Он существует при театре на Таганке. Пока у нас всего один спектакль, «Федра», мы выкупили его у «Таганки». Играем на гастролях. Пытаемся зарабатывать себе деньги. Следующий проект — спектакль для двух актеров «Квартет» Генриха Мюллера. Поставит его гениальный, на мой взгляд, греческий режиссер Теодор Терзопулос.

Знаете, я первый раз столкнулась с тем, что за все надо платить самой. Например, заказала перевод пьесы: плачу из собственного кармана. Когда Терзопулос приедет в Москву, то — по контракту — надо будет снять для него двухкомнатную квартиру, и платить мы будем вместе с директором.

В систему новых отношений мы входим впервые, поэтому я немножко побаиваюсь. Хотя я закончила экономический факультет университета и понимаю, что такое «продюсер», но тем не менее себя продюсером не считаю. Для этого нужен другой талант. Я им не обладаю. Просто плачу деньги. Возможно, и не заработаю на этом, но надеюсь на творческое удовлетворение.

— Я слышал, вы готовите к изданию новую книгу — «Тени зазеркалья». Когда она выйдет?

— Книга лежит в «Просвещении». Она посвящена людям, с которыми я встречалась. Задерживаю выпуск книги сама. Из-за недостатка времени (надо сделать подписки к фотографиям), а на самом деле... переоценки ценностей, что ли.

— Коли сами вы заговорили о такой теме, хотелось бы подробнее узнать, в чем эта «пероценка» для вас, судя по всему, женщины с твердыми убеждениями, заключается?

— «Пероценка» — все-таки не совсем точное слово. Это скорее некое перепутье, когда стоишь на перекрестке дорог. Сейчас для меня наступило время, когда надо решиться, в какую сторону пойти. То есть заниматься ли дальше театром, в чем я сильно сомневаюсь. Я очень хорошо понимаю Грету Гарбо (из-

бави Бог, не сравниваю себя с ней и вообще считаю, что любые сравнения неправомерны: каждая личность уникальна). Она оставила кино, когда увидела на экране свое лицо, которое ей не понравилось. Я тоже не снимаюсь (исключение — Хромоножка в новом фильме «Бесы» Игоря Таланкина, которому я никогда не отказываю, что бы он мне ни предлагал), потому что мне не нравится мое лицо на экране. Но для меня это небольшая потеря, поскольку снималась я так, от случая к случаю. А вот театр — моя жизнь.

Я не люблю смотреть на актрис среднего возраста, которые играют нехарактерные роли. Поэтому думаю: а почему я должна обременять зрителей своим присутствием на сцене в таких ролях? Почему я должна играть Электру, Машу в «Трех сестрах», Федру? А другие роли, которые предлагает возраст, мне скучны. Исполнительская профессия вторична, и мне интереснее сегодня что-то делать самой. Допустим, написать книгу или устроить поэтический вечер. Например, в этом году в Женеве, в Клубе русской словесности, я провела вечер «Антология русской поэзии: от Пушкина до Высоцкого»; там же, в Женеве, устроила вечер, посвященный «Поэме без героя» Ахматовой, с моими комментариями. В Канаде в феврале-марте вела для профессиональных актеров семинар по психической актерской энергии... Впереди концерты в Нью-Йорке, на Бродвее, и в Бостоне: вместе с американской театральной «звездой» Клер Блюм мы готовим программу из произведений Ахматовой и Цветаевой...

— То, что у вас теряется вкус к театру, связано ли в какой-то степени с тем мучительным процессом, который переживает сейчас «Таганка»?

— Нет, не связано.

— «Таганка», с ее тезисом о коллективном братстве, была мощным оплотом оппозиционного сознания (хотя, как теперь становится ясно, — по отношению не к идейным основам, а лишь к антигуманным формам их воплощения). Когда же театр утратил роль политического трибуны, «Таганка», ранее формировавшая в немалой степени атмосферу политической жизни, оказалась у разбитого корыта. Многие ее спектакли сегодня — зрелище довольно печальное, они больше похожи на музейные экспонаты...

— На «Таганке», как и в любом другом театре, происходят те же явления, что и в нашей жизни. Распад устойчивых связей, разрушение традиционных ценностей, ритуального жизнедеятельства, отказ от коллективного мышления, ощущение потери духовных ценностей, чистоты и ясности наших представлений о себе (быть может, раньше — идеальных), потеря смысла жизни — все это вызывает у человека недоверие к Слову (чем сильнее была «Таганка»), к театру и искусству вообще, и появляется озлобленность, может быть, как самосохранение от надвигающегося хаоса...

Идея коллективизма, братства... Действительно, так воспитала нас «Таганка».

Любимов ведь не очень старался подбирать людей самостоятельно мыслящих, наоборот — подчиненных (когда, к примеру, мы репетировали с Высоцким, незадолго до его смерти, пьесу Уильямса «Игра на двоих» — Володя был режиссером и моим партнером, — Любимов открыто смеялся, мол, мы боляны «звездизмом», как он говорил). То, что вокруг него оказались люди сильные, происходило вопреки Любимову. Но тогда казалось, что, оторвавшись от коллектива, мы не выживем. Когда же началось отслоение индивидуума от коллективного сознания, выяснилось, что не только выживем, а наоборот, сохраним себя. Индивидуальное мышление — это очень страшно и ответственно, потому что человек остается один на один с Богом, космосом, собственной жизнью. И многим это не по плечу. А нравственный потенциал в обществе сейчас слишком занижен, сила и способности человека направляются скорее на зло, чем на добро, — индивидуальное сознание оборачивается эгоцентризмом.

— О нынешней «Таганке» ходит немало слухов, сплетен. Средства массовой информации рассказывают о том, как растерянность актеров вылилась в бунт против Мастера, пожелавшего «на корню» купить «Таганку». Как вы, изнутри, оцениваете эту ситуацию?

— Когда нам сообщили, что Любимов собирается купить Театр на Таганке (с какой-то западной фирмой, потому что у него самого, думаю, не хватило бы денег), мы, «старички-кирпичи», были обижены. Сам Любимов нас об этом не предупредил. Конечно, мы поддержали бы его, как всегда поддерживали, в любых ситуациях — правых или нет. А этим недоверием он как бы отрезал себя от нас. Мы и раньше понимали, что он живет другой жизнью, а наш театр — только одна из его забот. Но когда встал вопрос — выгонять Любимова из театра или нет, я была среди тех, кто его защищал. Потому что, он основал этот Дом

(другое дело, что он ничего не сделал бы один, хотя в западных интервью утверждает, что это — авторский театр). На «Таганке» ставили Левитин, Фоменко, Эфрос, но эти спектакли уходили, потому что возвращался Любимов и «чистил» репертуар. И сейчас в репертуаре — только спектакли Любимова. Оставлять себе эти спектакли и вышвыривать их создателя за порог Дома — это, я считаю, будет безнравственный поступок.

— А «судилища» в театре продолжаются?

— Не знаю. Я не была ни на одном собрании. И не собираюсь на них ходить...

— Алла Сергеевна, вы производите впечатление суперрационального человека. И вдруг — увлечение оккультными науками. Уж наверняка для вас это не дань моде.

— Нет, конечно. Это слишком серьезная тема. Единственное, что могу сказать: увлекаюсь этим давно. Одна из первых ходила на курсы в Фурмановский переулок, занималась там лечением. Но потом поняла: чтобы лечить, нужно уходить в это с головой, а мне энергия нужна для другого. Поэтому перестала заниматься. Теперь работаю с человеком, который видит эту энергию, видит, как энергия переходит от актера к зрительному залу, как актеры берут эту энергию друг у друга... Когда, например, я попала в Ванге, в Болгарии, у меня не было к ней конкретных вопросов, и она не дала мне глобальных ответов, но когда я возвратилась, мои домашние практически не узнали меня — я получила заряд, которого мне хватило на два-три года.

— Ваша жизнь размеренна или вы предпочитаете стремительные ритмы?

— Я предпочитаю вообще не вмешиваться в события. Если жизнь подсказывает мне стремительность ритмов (а в основном так и бывает), я перестану спать и могу работать 24 часа в сутки.

Катя Васильева, с которой мы впервые столкнулись в работе над «Электрой», говорила мне на репетициях: «Я удивляюсь вашей выносливости». Электра, кстати, далась мне очень трудно и физически: еще в Москве я заболела, а приехав в Афины, играла восемь спектаклей подряд с воспалением легких; мне делали укол в связки, чего хватало всего на одно представление, а потом, до следующего спектакля, надо было молчать. Но это не выносливость, а какой-то внутренний долг, что ли...

Расслабиться мне помогает природа. В Москве люблю ходить за грибами. Здесь, в Ялте, я ни с кем не общаюсь. Сажу на балконе, читаю книжки. Разные — от хорошей философии до самых низких детективов. Смотрю на море... Голова простирается... В основном упорядочиваются внутренние ритмы. И недаром мы забрались сейчас на эту гору — нужно хоть ненадолго оказаться вне шума и суеты...

Вадим ВЕРНИК.

Фото Миколы Гнсюка.

Демидова ст. с.